

Катунин Ю.А.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВЕЙ КРЫМА В 1928-1929 ГОДАХ

В 1928 году для активизации процесса распада религиозных общин государство стало использовать рычаги экономического воздействия. В 1928-1929 годах в Крыму, по инициативе местных органов власти, началась кампания по обязательному проведению дорогостоящих капитальных ремонтов всех храмов полуострова. Это была инициатива местных органов власти, поддержанная правительством Крыма. Организация и проведение ремонта храмов не только приносило доход в местную казну, но и ставило приходы в сложное экономическое положение.

В апреле 1928 года Керченский горисполком сообщил в Административный отдел КрымЦИК о том, что требования о капитальном ремонте были предъявлены религиозным общинам: главной еврейской синагоги - на сумму 8 тысяч рублей; старой синагоги - на 1450 рублей; ремесленной синагоги - 1250 рублей; немецкой кирхи - 2800 рублей; молитвенного дома баптистов.

Текущие ремонты в течение 1929 года обязаны были сделать все православные церкви города. Минимальная сумма сметы на текущий ремонт по Керченскому району составляла 150 рублей, максимальная - 1500 рублей. По 12 татарским мечетям сумма ремонта составляла от 50 до 150 рублей.ⁱ

Для многих религиозных общин выполнение этих требований было невыгодным из-за крайней скудности казны храма. В августе 1928 года из-за отсутствия денег на ремонт здания, о расторжении договора с горисполкомом заявила община немецкой кирхи.

В Симферополе были обследованы 26 культовых зданий. От ремонта в ходе обследования отказалось 5 общин. С двумя общинами договор был расторгнут в течение недели. 3 общины, отказавшись от ремонта, не согласились с предложением о расторжении договоров.

В Симферопольском районе было обследовано 17 зданий. Отказались от ремонта 3 общины, дав свое согласие на расторжение договора. Всего государственной комиссии, из-за отсутствия транспорта удалось обследовать в районе 50% культовых зданий.ⁱⁱ

В Симферопольском районе капитального ремонта требовали церковь в с. Чистенькое и Константино-Еленинская церковь г. Симферополя. Для остальных храмов были составлены сметы на проведение косметического ремонта.ⁱⁱⁱ

В Джанкойском районе ремонт необходимо было сделать в 23 культовых зданиях. К декабрю 1929 года его смогли выполнить лишь 12 общин. С 4 мусульманскими общинами, из-за невыполнения требований властей, договор был расторгнут.^{iv}

В Феодосии к августу 1929 года ремонт был выполнен в следующих храмах: Александро-Невском соборе; армяно-католической церкви; староеврейской синагоге; греческой Введенской церкви; армянской Свято-Георгиевской церкви; кладбищенской Пантелеймоновской церкви и караимской кенассе. Не выполнили требования о ремонте общины армянской церкви Святого Михаила и Святого Георгия.^v

Истинный смысл кампании по ремонту религиозных зданий достаточно глубоко раскрыт в ответе начальника милиции г. Евпатории в Административное управление КрымЦИК, в котором он писал: "... Все культовые здания, требующие ремонта, будут ремонтироваться, ... в сельской местности, где в большинстве своем культовые здания представляют собой обыкновенные каменные здания, не имеющие ценности, ... было бы нецелесообразно предъявлять требования о ремонте, допустив их к значительным разрушениям, а затем ликвидировать.

В отношении зданий, представляющих историческую и художественную ценность, необходимо предъявить срочные требования о ремонте, что даст возможность, во-первых, содержать здания в надлежащих условиях и предохранить их от разрушений, а, во-вторых, в виду потребности больших сумм на ремонт возможен отказ от аренды указанных культовых зданий со стороны верующих и тем самым создается возможность для их ликвидации и закрепления за Охрисом".^{vi}

Наряду с проведением кампании по ремонту культовых зданий органами советской власти были выдвинуты требования о немедленной уплате общинами, арендующими храмы, налогов за молитвенные здания. По некоторым культовым зданиям конфессий г. Симферополя суммы налогов были следующими:^{vii}

- Александро-Невский кафедральный собор (у. К. Марса, 19) - 298 руб. 93 коп;
- Спасская церковь (у. Луговая, 16) - 61 руб. 22 коп.;
- Константино-Еленинская церковь (у. Октябрьская, 8) - 20 руб. 86 коп;
- Мартиниановская церковь (у. 6-я Шестериковая, 6) - 9 руб. 09 коп.;
- Преображенская церковь (у. Кладбищенская, 5) - 11 руб. 18 коп.;
- Введенская церковь (у. Фонтанная, 11) - 47 руб. 85 коп.;
- Еврейская синагога (у. Фонтанная, 61) - 35 руб.;
- Еврейская синагога "Иц-Хаим" (у. Мало-Базарная, 46) - 35 руб.;
- Мечеть "Сеит Халиль Челеби" (у. Минаретная, 7) - 28 руб. 76 коп.;
- Еврейская Хоральная синагога (у. Салгирная, 12) - 146 руб. 45 коп.;
- Римско-католический костел (у. Салгирная, 8) - 42 руб. 13 коп.;
- Лютеранская кирха (у. К. Маркса, 31) - 51 руб. 44 коп.
- Армяно-католическая церковь (у. Советская, 3) - 53 руб. 64 коп. и т.д.

Несмотря на сложное экономическое положение, многие религиозные общины не только уплатили эти налоги, но и оплатили их за несколько месяцев вперед, для того, чтобы не подавать государственным органам повод для нарекания в свой адрес. В должниках по итогам 1928 и 1929 годов числилась община кафедрального Александро-Невского собора, долг которой составлял 298 руб. 93 копейки и Введенская церковь, имевшая долг в 47 руб. 85 копеек.^{viii}

Еще одной разновидностью экономического прессы в отношении религиозных общин в 1929-1930 годах было государственное страхование культовых зданий. Госстрахом Крыма была проведена оценка каждого культового здания, действующего на полуострове. На сумму оценки начислялась сумма страховки. В реестр Госстраха в 1929 году в Крыму было внесено 118 православных храмов. При анализе данных по каждому застрахованному православному культовому зданию обнаруживается серьезное разнотение в сумме страховых взносов, которые должны были платить общины за здания расположенные в различных частях Крыма и имеющих одинаковую оценочную стоимость. Так, за здание собора Александра Невского в городе Ялте, которое было оценено в 150 тысяч рублей, община должна была уплатить 48 рублей страховки. В то же время, за значительно меньшие суммы оценки зданий общины должны были платить суммы в несколько раз большие. Сравним данные по некоторым соборам Крыма:^{ix}

- Александро-Невский собор г. Симферополя был оценен в 119 570 рублей. Сумма страховки от оценочной стоимости составила 76руб. 52 копейки;
- Покровский собор г. Севастополя был оценен в 73 168 рублей. Сумма страховки – 35 руб.12 копейки;
- Владимирский собор г. Севастополя был оценен в 100 026 рублей. Сумма страховки составила 57 руб. 12 копеек;
- Николаевский собор г. Евпатории был оценен в 148 258 рублей. Сумма его страховки составляла 94 руб. 89 копеек;
- Александро-Невский собор г. Феодосии – 52 008 рублей. Страховка – 24 руб. 96 копеек и т.д.

Подобные расхождения возникали и при анализе соответствия страховых сумм оценочной стоимости других культовых зданий.

Так, если страховка приведенного нами здания Александро-Невского собора г. Феодосии, оцененного в 52 008 рублей, составляла 24 руб. 96 копеек, то за оцененное в 54 855 рублей здание молитвенного дома д. Н. Збурьевка Симферопольского района община должна была платить 54 рубля 85 копеек, в то же время, община церкви Константина и Елены г. Симферополя, в сравнении с общиной молитвенного дома д. Ново-Збурьевка должна была платить на полтора рубля меньше при большей оценочной стоимости здания, которое было оценено в 83 043 рублей, а сумма страховки составила 53 рубля 15 копеек.

Самую большую сумму страховки должна была платить община Николаевского собора г. Евпатории – 94 руб. 89 копеек, а самую минимальную – община д. Сейджут Феодосийского района – 1 руб. 57 копеек.^x

В 1930 году в ходе очередной перерегистрации общин проводилась переоценка страховых сумм. До 1929 года сумма страховых взносов определялась сотрудниками Госстраха на местах. С 1 октября 1929 года по 1 февраля 1930 года, согласно распоряжения Госстраха, она стала взиматься по восстановительной стоимости (без учета амортизации). Это привело к резкому росту платы за страховку.^{xi}

В 1930 году местные администрации районных государственных страховых отделов Крыма значительно повысили суммы страховки, которые общины обязаны были вносить в доход казны. Рассмотрим это на примере следующих данных:^{xii}

Название района	Сумма страховки, которая уплачивалась с 1 тысячи рублей оценки здания в 1929 году	Сумма страховки, которая уплачивалась с 1 тысячи рублей оценки здания в 1930 году
- Ялтинский	27 коп.	1 руб.
- Севастопольский, Симферопольский, Керченский, Феодосийский.	41 коп.	1 руб. 20 коп.
- г. Алушта и п. Гурзуф	41 коп.	1 руб. 20 коп.
- Джанкойский, Бахчисарайский и Евпаторийский	46 коп.	1 руб. 60 коп.
- Армянский и Карасубазарский	53 коп.	2 руб.

Если сравнить суммы страховки зданий с теми, которые община уплачивала в 1928-1929 годах, то мы увидим, что они возросли в несколько раз. Это стало вызывать серьезный протест со стороны верующих. В 1930 году управление НКВД по Судакскому району в своей докладной записке, направленной в Административное управление КрымЦИК, отмечало, что в 1929 году все религиозные общины района должны были уплатить в казну государства за страховку зданий 200-300 рублей. После принятия новых тарифов эта сумма возросла до 1734 руб. 61 коп., т. е. в 6 раз. Управление НКВД Судакского района информировало власти Симферополя о том, что верующие стали утверждать о преследовании государством религиозных организаций.^{xiii}

Подобная информация стала поступать и с других регионов Крыма. В ней выдвигались предложения о снижении налогового прессы в отношении религиозных общин.

В 1928-30 годах государство устроило налоговый пресс не только в отношении религиозных общин, но и в отношении священнослужителей, значительно увеличив их налогообложение.

Каждый священно- и церковнослужитель, проживавший в городской местности, в соответствии с принятыми в то время законами, приравнивался к категории частных торговцев и облагался по максимальной тарифной сетке налогообложения, по которой минимальная сумма налога составляла 156 рублей в год, а максимальная – 235 рублей.

В сельской местности в отношении служителей культа, занимавшихся ведением домашнего хозяйства, была введена система “самообложения”, в соответствии с которой, максимальный доход составлял 309 руб. 45 коп, ми-

нимальный – 16 руб. 87 коп. Ставки налога “самообложения” по максимальной ставке составляла 151 руб. 90 копеек, а по минимальной – 8 руб. 44 коп.^{xiv}

В 1929-1930 годах органами ГПУ и НКВД Крыма была проведена проверка деятельности и “чистка” финансовых органов Крымской АССР, в ходе которой было выявлено, что многие священники в течение 1925-1929 годов вообще не уплачивали налоги.

В Карасубазарском районе не облагались налогами 2 священника.

В Бахчисарайском районе налоговый инспектор Н.Н. Чемерус был снят с работы и осужден за то, он, за взятки не включал в 1925-1929 годах в списки налогообложения духовенство района.^{xv}

В Керчи в 1930 году была проведена очередная “чистка” отдела финансов. Новые сотрудники отдела установили, что прежний состав “недостаточно активно взимал налоги со священников”. По мнению начальника админорганов Керченского горисполкома следовало пересмотреть систему взимания налогов с духовенства. По его мнению, при системе произведения расчета с государством “один раз в течение года” государство недополучало значительные суммы, так как многие священники проводили службу в храмах в течение 2-3 месяцев и уезжали, не уплатив налоги. Он предлагал установить ежеквартальный вариант уплаты податей и налогов.

Налоговыми инспекторами Керчи было установлено, что налоги вообще не платили: Э.С. Мамур – священник римско-католического костела; Е.Г. Заика – псаломщик кладбищенской церкви и Г.А. Гураянц – дьякон армянской церкви.^{xvi}

В Джанкойском районе 7 служителей культа не уплачивали налоги в 1925-1929 годах. Сумма недоимок по району составила 1983 рубля.^{xvii}

В 1930 году, по требованию НКВД Крыма все священно- и церковнослужители Крыма были обложены военным налогом. Однако это не удалось сделать в Джанкойском районе. Начальник админорганов района Куртиев информировал НКВД Крыма о том, что “перерегистрация культовых зданий прошла, взыскать военный налог со священнослужителей религиозных культов не удалось, в виду того, что все служители культа арестованы ГПУ. В настоящее время вновь проводится регистрация новых служителей культа, вместо ранее высланных”.^{xviii}

Осень 1929 года НКВД Крыма нанесло еще один ощутимый удар по материальному благосостоянию духовенства. В октябре 1929 года было издано циркулярное распоряжение № 619, в котором отмечалось, что “до сих пор служители религиозных культов ко времени сборов урожая, по традиции, производят сборы в свою пользу натурой в сельских местностях, среди крестьян, путем обхода дворов.

Ввиду того, что эта форма выливается, с одной стороны, в форму недобровольную, а, с другой, - создает у духовенства запасы зерновых и мучных излишков, предлагается воспретить через сельсоветы служителям культа обход крестьянских дворов с целью сборов натурой, а так же само получение пожертвований хлебопродуктами.

Служителей культа (и только их, а не крестьян) за сборы, хотя бы с виду и добровольные пожертвования натурой, имея в виду навязчивое отношение служителей культа во время этих сборов к гражданам, привлекать к ответственности по ст. 124 УК.

Наличие запасов (излишков) у служителей культа, должно предварительно устанавливаться негласным путем, с учетом местных настроений”.^{xix}

В 1929 году “за принудительный сбор зерна у населения в качестве своего дохода” был привлечен священник Евпаторийского собора Иванов Георгий Николаевич.

В суд были переданы дела и на священника Ак-Мечетской церкви Ратимова, псаломщика этой же церкви Тарасова и сторожа церкви Ковалева.^{xx}

В связи с преследованиями крымских властей духовенство обновленческого течения полуострова обратилось в Священный Синод со следующим заявлением: “Сельское духовенство Крымской Митрополии по установившейся многолетней традиции ежегодно производило среди своих прихожан сбор добровольных пожертвований зерновыми продуктами, при чем этот сбор всегда был почти единственным источником обеспечения сельского духовенства. Урожай текущего года весь был объявлен государственным достоянием, и никаких сборов зерном, как оказалось впоследствии, никто не имел права производить, в том числе и духовенство. Однако, ни в печати, ни циркулярно о таком нововведении духовенство предупреждено не было, ... и приступило к традиционному сбору.

В результате конфискации собранного зерна и привлечения священника, псаломщика и сторожа к уголовной ответственности по 2-й части 107 ст. УК РСФСР им это грозит конфискацией всего имущества и лишением свободы на 3 года”.^{xxi}

Священный Синод обратился в октябре 1929 года в ЦИК Крыма с ходатайством о приостановлении судебного разбирательства, мотивируя поведение священников их недостаточной информированностью. Однако прокуратура Крыма отказала в ходатайстве Синоду обновленческой церкви. В Евпаторийском районном суде за сбор зерна священник Ратимов был приговорен к 3-х месячному аресту, а псаломщик Тарасов, как организатор этой акции, - к 6 месяцам заключения.^{xxii}

Резкое искусственное ухудшение материального положения религиозных общин привело к тому, что они были не в состоянии обеспечить должное материальное вознаграждение труда духовенства. Значительная часть священников из-за своего тяжелого положения была вынуждена оставить службу в храме. Однако, являясь “лишенцами”, священники не могли устроиться на другую работу. Это ставило их семьи на грань голодного существования.

Для того, чтобы священник мог рассчитывать на трудоустройство он должен был пройти унижительную процедуру отречения от сана.

12 августа 1929 года ЦАУ Крыма разослало в районы уведомление о том, что “заявления, подаваемые в Админотдел об отречении от духовного сана, должны рассматриваться как предварительные уведомления заинтересованных лиц, что и следует в каждом случае им разъяснять.

Само отречение принимает значение только лишь в том случае, если об этом стало известно мировой общественности, именно от самого отрекающегося.

Для этого существует два пути:

1. Публикация в печати.
2. Открытое порицание религии и отречение от сана на широком собрании верующих.

Второй путь является только развитием первого и, хотя он более эффективен, не стоит настаивать на этом. Снятие служителя культа с учета, вследствие отречения производить только на основании публикации в печати^{xxiii}.

Таким образом, мы можем констатировать, что в 1928-1929 годах государство создало экономические предпосылки для начала массового закрытия храмов различных конфессий Крыма, которое началось в 1930 году.

-
1. Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК). – Р.663. – Оп. 10. – Д. 1736. – Л. 174.
 2. Там же. – Л. 232.
 3. Там же. – Д. 1736. – Л. 175.
 4. Там же. – Л. 215.
 5. Там же. – Л. 223.
 6. Там же. – Л. 176.
 7. Там же. – Д. 1633. – Л. 27-34.
 8. Там же.
 9. Там же. – Д. 1729. – Л. 22-56.
 10. Там же.
 11. Там же. – Д. 1747. - Л. 504-505.
 12. Там же.
 13. Там же. – Л. 506.
 14. Там же. – Д. 1747. – Л. 390.
 15. Там же. – Л. 395.
 16. Там же. – Л. 392.
 17. Там же. – Л. 394.
 18. Там же. – Л. 444.
 19. Там же. – Д. 1630. – Л. 254.
 20. Там же. – Д.1747. – Л. 120.
 21. Там же. – Л. 127.
 22. Там же. – Л. 129.
 23. Там же. – Д.1614. – Л. 12.